

Л.В. Фесенкова

Специфика биологического знания в дискурсе общенаучных проблем

Специфична ли биология? На этот счет имеются различные мнения. Например, академик Э.Галимов полагает, что сущность жизни состоит в усложнении углеводов, и тем самым редуцирует к ним живое. А Медников считает, что эволюционная теория лишь тогда станет полноценной, когда все «биологические» понятия будут сведены к своему физическому содержанию и получают через них свою интерпретацию. В.С.Стёпин признает специфику объекта биологии, но отрицает специфику познавательных процессов, которыми этот объект исследуется, полагая, что дарвинизм (синтетическая теория эволюции) – это описательная феноменологическая теория, первоначальный этап становления полноценной теории. Когда же наступит следующий этап, то биологическая теория примет черты гипотетико-дедуктивной теоретической конструкции, характерной для физических дисциплин¹.

Другая группа ученых – биологов и философов науки предпочитает иное решение этого вопроса. Так Р.С.Карпинская настаивала на специфичности биологии. Э.Майр, крупнейший ученый, один из творцов синтетической теории эволюции, утверждал уникальность биологических объектов и процессов на всех уровнях организации живого. Он постоянно подчеркивал специфичность биологии, неизбежную телеономичность и непредсказуемость многих ее результатов, полагая, что главное отличие биологии от других наук в том, что она изучает уникальное, а не идентичное, т.е. биоразнообразие, а не однообразие. Ученый считал, что биология не может быть редуцирована до физико-химических процессов².

Нам могут указать здесь, что мы ломимся в открытую дверь, что различные точки зрения, как в науке, так и в философии, обычное явление и не требуют специального исследования. Конечно, это верно, но для нас важно понять, чем обусловлены такие разногласия по проблеме специфики биологии, что стоит за ними. Это поможет нам подойти к некоторым важным проблемам методологии науки.

Итак, мы исходим из факта отсутствия единой точки зрения на природу жизни и методов ее познания. Споры по этим вопросам имеют принципиальный характер. Разъяснения не снимают разногласий. Никакие аргументы не могут убедить противную сторону. В чем тут дело?

Завесу над загадкой таких разногласий приподнимает Л.Б.Баженов в статье «Редукционизм в научном познании»³. Его четко заявленная позиция послужит нам ориентиром для понимания процесса познания биологических объектов.

Он рассматривает аргументы, выдвигаемые в защиту обеих позиций и приходит к выводу, что «оппозиция редукционизма и антиредукционизма (холизма) – это постоянная, неустранимая черта человеческого познания. Холистические концепции всегда – этап и никогда – итог». На этом основании, он полагает, что «дарвиновский отбор находится на пути превращения в физический принцип, на пути включения его в систему физических понятий».

Таким образом, Баженов выступает как редукционист, который отрицает не только специфику биологического знания, но также и специфику биологического объекта.

В то же время Баженов признает, что «проблема отношения физики и биологии не имеет сегодня естественнонаучного решения»⁴.

Какие же аргументы выдвигает Баженов? Ответ следующий: «теория, не редуцируемая сегодня, может оказаться редуцируемой завтра». Иначе говоря, не беда, что у нас нет никаких доказательств редукции биологических процессов к физическим. Они отсутствуют лишь вследствие того, что у нас нет пока хорошей теории. Но это всего лишь вопрос времени. Сведение высшего к низшему, а целого к части, он утверждает за счет предположения о возникновении «хорошей теории» в будущем.

Итак, за утверждениями Баженова о границах применимости физических теорий и специфике биологического знания стоит АПЕЛЛЯЦИЯ К БУДУЩЕМУ. Это высказывание проявляет то, что обычно выносится за скобки.

Вывод Баженова основан на вере (уверенности, убежденности) в определенное устройство мира, которое делает возможным описание его сущностных процессов в физических терминах – мир устроен так, что физические законы способны описать все существующее. За такими утверждениями вырисовывается картина мира, в которой нет ничего качественно специфического, мешающего в принципе свести любые закономерности к физическим. Итак, апелляция к будущему служит основанием сведения биологического знания к физическому.

Стёпин также апеллирует к будущему при построении своей концепции. Он по-другому строит образ науки будущего. Иной характер носит и картина мира, в которой утверждается качественная специфичность и несводимость целого к части, законов высших уровней организации материи к низшим. Он исходит из системного подхода к миру, считая, что в каждой системе закономерности, управляющие частями, перестраиваются под воздействием законов, управляющих целостностью. А значит, с появлением жизни как нового, высшего качественного уровня, части, входящие в состав живого, управляемые физико-химическими закономерностями, перестраиваются на новой основе, под воздействием специфически биологических законов, управляющих целым. Если сегодня, полагает он, мы можем изучать развитие путем сравнения зафиксированных состояний объекта в разные моменты времени, то сейчас уже проявляются те типы теории, которые могут зафиксировать сам акт изменения, – это теории диссипативных систем, пригожинская теория неравновесных открытых термодинамических систем и теория автоматов. И здесь обнаруживается апелляция к будущему развитию науки, футурологический образ которой состоит из теорий, способных фиксировать акт изменения объекта.

Прогнозы о будущем науки составляют смысловую основу многочисленных моделей в разных областях знания. Они занимают большое место в эпистемологии научных исследований.

Так, В.И.Аршинов полагает, что в перспективе будущего развития науки конфронтация физики и биологии станет исторически обусловленным, ограниченным во времени феноменом. «Сказанное

не означает, что конфликт общефизических и биологических представлений теперь полностью преодолен и принадлежит прошлому. Он лишь утратил свою остроту на уровне принципов»⁵.

Так или иначе, все апеллируют к будущему науки. Здесь непознанное рассматривается по аналогии с познанным, будущее с настоящим.

Эту тенденцию в развитии научного знания можно сравнить с задачей, сформулированной М.Горьким при провозглашении им принципов социалистического реализма: видеть в настоящем ростки будущего – вот задача, указывал он, отличная от принципов критического реализма, способного лишь к отражению того, что есть вокруг нас (сущего), и перейти к более прогрессивному пролетарскому методу социалистического реализма, который отражает то, что обязательно будет, т.е. должного (конечно, в соответствии с той концепцией мира и личности, которые были у самого Горького).

По-видимому, такое положение является всеобщей методологической установкой. Ее отмечает и Н.С.Юлина, рассматривая отношение американского «научного материализма» к проблеме сознания. Давая оценку основаниям редукционизма, она пишет: «...есть основания рассматривать научный “материализм” как метафизическую гипотезу, которая не столько опирается на современное состояние эмпирических исследований, сколько уповает на будущее развитие науки. Однако философия, которая строит свои принципиальные положения на возможных результатах науки, не может претендовать на статус современной научной философии»⁶.

Такая оценка методологического принципа, состоящего в апелляции к будущему науки, по нашему мнению, является излишне резкой, поскольку, по всей вероятности, не существует иного способа упорядочить разрозненное плюральное теоретическое и понятийное разнообразие (а также разнообразие методов, стратегий, стилей мышления и т.д.), которое представляют методологу современные естественные и гуманитарные науки.

Как же представляет каждый то, что должно быть? Почему, например, одни считают, что магистральная линия развития науки состоит в насыщении ее ценностями, и ищут в настоящем такие «ростки нового», которые должны были быть созвучны этим взглядам, а другие полагают, что наука не может быть на-

сыщена ценностями, т.к. естествознание, насыщенное ценностями, не может существовать. Однако и они находят свои «ростки нового», но уже в другом – в теориях, способных «схватить» момент времени в системе. Л.Б.Баженов, например, выбирает свои «ростки нового» из поля разнообразных теоретических концептов настоящего, особенно значимыми для будущего ему представляются моменты сведения целого к части, биологического знания к физическому. А религиозно настроенные ученые и популяризаторы науки ее тенденцию усматривают в движении к выявлению того великого божественного плана, по которому создан мир (Тейяр де Шарден).

Каждый выводит свою линию развития науки от прошлого к будущему в соответствии с методологическим принципом, сформулированным Баженовым: «наука не раскрыла пока, но обязательно раскроет в будущем». И каждый по-своему строит модель этого будущего, на основании своих собственных представлений об общей картине развития научного знания и представлений о мире объектов, на постижение которых наука нацелена. Ведь апелляция к будущему – это универсализация закономерностей настоящего. Это прием, при помощи которого универсализируются субъективные убеждения о природе мира и знания.

Итак, все дело в системе предпосылок, которые редко оказываются проявленными в работах по философским вопросам естествознания. Как правило, это – молчаливые предпосылки. В качестве «молчаливых предпосылок», применительно к вопросу о специфике биологии, прежде всего, выступают предельные представления о мире. Так, философская онтология служит основой вывода всех остальных суждений применительно к рассматриваемому вопросу.

Отсюда следует, что вопрос о специфике биологии не может быть сведен к единой точке зрения потому, что спорящие стороны исходят из разных «молчаливых предпосылок», которые каждой стороне представляются «само собой разумеющимися». Эти не проявленные постулаты, лежащие в основе общих суждений о природе жизни и способах ее познания, в конечном итоге поступают из мировоззрения общества. Их генезис связан не только с наличием знания, но и включает структуры иной природы – моменты веры и эмоционального отношения к утверждаемому.

Знание составляет лишь один из моментов мировоззрения. Наряду со знаниями в мировоззрение входят и представления о должном, и суждения вкуса и веры, и надежды, и идеалы, которые (это необходимо подчеркнуть) никогда не могут быть целиком редуцируемы к знаниям.

Какие же утверждения могут скрываться за общими суждениями о природе биологического знания? Мы отметили, что ими могут быть предельные представления о мире и о знании. Ими могут быть также различные суждения о ценности жизни. Проблема ценности жизни – центральная в экзистенциальной философии – теперь стремительно входит и в наши философские суждения и приобретает особую значимость в методологических вопросах биологического знания. Проблема свободы также может в определенной степени влиять на создание биологических теорий, так же как и отношение к проблеме сознания (напомним дискуссию по этой проблеме между Д.И.Дубровским и Э.В.Ильенковым). Отношение к существованию Бога в свою очередь может определить установку субъекта, рефлексизирующего над биологическими феноменами.

Итак, на общие представления о биологии непосредственно воздействуют положения, прямо относящиеся к сфере философии и мировоззрения. Такие положения не могут быть опровергнуты рациональными средствами. Например, свобода воли, как и бытие Бога, – утверждения теоретически недоказуемые. Эти представления относятся к тому типу знания, где утверждения плюралистичны и противоречивы, где кончаются рациональные доказательства и логическая обоснованность суждений.

Вот пример: великий психиатр К.Г.Юнг заметил, что его отец, пастор мучается оттого, что утратил веру в Бога, но хочет себя убедить в его существовании, поскольку в противном случае вся его жизнь потеряла бы смысл. Наблюдая за отцом, он не мог ему помочь. Логические доказательства вызывали лишь раздражение и отчуждение обоих. Сам же Юнг не имел никакой надобности в таких доказательствах. Доказывать бытие Бога для него было так же бессмысленно, как доказывать красоту заката, т.е. это «трансцендентное знание» – знание о Боге как о предельной величине мира воспринималось им внерационально, как непосредственное присутствие⁷.

Другой пример: В.И.Вернадский не создал бы учения о ноосфере, если бы не веровал в светлую силу разума. Такая же вера была свойственна и Н.Ф.Федорову, и К.Э.Циолковскому, и А.Л.Чижевскому. Вера в разум составляла существенный момент русского космизма и восходила к традиции русского демократического сознания, идущего от Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Сеченова, Мечникова. Это – русская форма рационализма, доведенная до своей крайней формы. Достоевский же никогда не построил бы учения о ноосфере. У него было совсем иное отношение к разуму и его конструктивным возможностям. В столкновении мнений по вопросу о природе человека между Достоевским и демократическим крылом русских интеллигентов мы усматриваем типичный пример невозможности оппонентов прийти к единому мнению, убедить друг друга в философском, предельно общем вопросе. Отсюда прямо вытекает, что онтологические представления современной науки конструируются под давлением мировоззренческих приоритетов и всецело зависят от них.

Так в естественнонаучное теоретизирование незаметно включается иной тип знания. Должное выдается за сущее. Сущее включено в должное. Реальность выступает в ценностных измерениях. Метафизические представления субъекта о мире в целом в строгие выводы науки. Введение точного естественнонаучного знания в иной тип, включающей веру, надежду, идеалы, как правило, не фиксируются. Философ естествознания (и ученый-естественник) нередко оперирует с мировоззренческими структурами, как с естественнонаучными понятиями. Но мировоззренческие представления не могут быть до конца оторефлектированы в понятиях современной науки, поскольку содержат неустранимый аксиологический фундамент.

Следовательно, мы имеем дело как с научным, так и с мировоззренческим знанием, включающим целый спектр явных или неявных представлений о природе мира, науки и человека. Иначе говоря, кардинальные вопросы, которые ставит нам познавательный процесс (например, рассматриваемый нами вопрос о специфике биологического знания), решаются нашими авторами путем смешения двух типов знания – научного и мировоззренческого.

В связи со всем сказанным нам представляется не лишним напомнить взгляды Канта, полагающего, что идеальные порождения разума имеют принципиально иную функцию, чем теоретические

представления науки. Они имеют не конституативное (реконструирующее мир), а регулятивное применение. Не раскрывая характеристик сущего самого по себе, они направляют деятельность разума, дают ему необходимое мерило, закон, норму, цель и идеал, придают деятельности духа мотив, интерес и конечные ориентиры, направляют его усилия к «воображаемому фокусу». В идеях нечто мыслится (например, высшая сущность или свобода), как если бы оно существовало на самом деле. Они «производят только видимость, но непреодолимую видимость, против которой вряд ли можно устоять, не прибегая к самой острой критике»⁸. Так Кант различает два типа знания, отмечая стремление рационального знания к выходу за пределы своей области в сферу разума, где средства рационального постижения бессильны. И, более того, Кант уличал наивных рационалистов своего времени в том, что они, рассуждая о природе мира и человека, неправомерно путают разные типы знания, что недопустимо.

По существу рассматриваемые нами процессы и есть выход науки в области недоступные ей, стремление решить запредельные вопросы рациональными средствами, что ведет к потере границы между научными и мировоззренческими представлениями о мире и приводит к хаосу – к смешению научного и ненаучного, доказанного и предполагаемого (гипотетического), достоверного и фантастического. Из этого смешения предметного и ценностного, онтологического и аксиологического вырастают представления о мире, поставляющие материал для предпосылок рациональных конструкций науки.

Нужно отдавать себе отчет в том, что мыслительные операции с неизвестным – совсем иная область, имеющая свои особенности, отличные от естественнонаучного знания. Это область разума, область широчайших метафизических представлений о не познанном (и часто недостижимом). Разум, вылетая из области познанного в свободную сферу непознанного, приобретает неограниченные возможности, т.к. познанное (эмпирическое и теоретическое знание) не сковывает его больше. Он может оперировать в соответствии со своими идеалами, выдавать желаемое за действительность, подгонять сущее под должное (ожидаемое).

Например, сегодня широко распространено предположение, что в будущем может возникнуть единое основание для построения монистической схемы мира. Эта популярная в среде научной

общественности идея о единстве знания предполагает объединение разных типов знания, как научного, так и философского – обращенного к сфере разума. Такой синтез всего научного знания должен послужить основой создания единой науки. Но различие в восприятии мира учеными разных специальностей заставляет нас сомневаться в возможности построения единой науки. Если исходить из того, что каждая частная наука имеет свое собственное, специфическое восприятие мира и ограниченную возможность целостного видения универсального, то неизбежно возникает вопрос – а возможно ли вообще объединение частных наук (и открываемых ими фундаментальных законов) в единую, универсальную науку и, тем более, в «теорию всего» (на естественнонаучном уровне). Можно предположить, что создание такой науки грозит нам превращением в замкнутое на себя научное сообщество, принявшее определенные, не обсуждаемые постулаты. Мы считаем, что постулаты теории, претендующей на широкие мировоззренческие обобщения, должны быть проявлены и по мере возможности обоснованы. Так, если мы будем знать, что тот или иной автор основывает свое представление о будущем науки на интерпретации высказываний Маркса или на исповедании «евангелия от Мамардашвили» или «евангелия от Пригожина», то сможем свободно присоединиться к его «символу веры» (или свободно не присоединиться к нему).

Но прежде всего нужно стремиться определять границу, отделяющую научную теорию от мировоззренческих утверждений. Мы должны знать, что в нашей рефлексии над объектами является научными данными, а что мировоззренческими представлениями.

Такая возможность прямо заглянуть в глаза любым онтологическим конструкциям, особенно тем, которые, прикрываясь авторитетом науки, заполняют собой общественное сознание, с нашей точки зрения, является сейчас настоятельной необходимостью. Наше время, к сожалению, несет на себе груз разочарований от гигантомании и многочисленных обещаний о скором достижении земного рая. Нужно помнить, что все эти обещания когда-то выступали в форме бесспорных положений, санкционированных наукой, т.е. представляли собой онтологические конструкции, выдаваемые за научное знание.

На деле они являлись смешанным типом знания – методологическими кентаврами. Перефразируя известное выражение, можно сказать, что такие «схемы разума породили чудовищ». Мы счита-

ем, что защита от этих чудовищ разума – хотя, конечно, и слабая – состоит в проявленности онтологических схем, анализа их конструкции и определение типа знания, к которому они принадлежат. Только это дает основание надежде, что новые схемы разума не превратятся в новых чудовищ.

Нашему представлению об основных задачах анализа мировоззренческих обобщений естествознания созвучно представление Э.Н.Соловьева об общих задачах философии. Он пишет: «философ должен запретить себе всякое потакание умозрительному концептуализму обычного сознания... затруднять слишком легкое решение мировоззренческих задач. Он должен обнажить квазисистематические, дофилософские картины мира, разрушать сциентистское самомнение обычного сознания, приводить его к сомнению и даже к отчаянию. Правдивость и честность мышления должны поддерживаться философом, прежде всего, и гораздо в большей степени, чем сама его конструктивная сила»⁹.

Мы стремились рассмотреть онтологические представления, бытующие в сознании современного общества и вопрос о специфике биологического знания в соответствии с этими ориентациями на цели философского исследования мировоззренческих обобщений науки. Мы попытались обрисовать направленность научного знания в биологии на мировоззренческие структуры, в рамках которых создается образ мира и человека, и рассмотреть, на каких предпосылках основан исследуемый феномен, что стоит за ними, какова их структура и в чем проявляется их воздействие на общественное сознание.

Сегодня мировоззренческие и обыденные представления общественного сознания о закономерностях развития жизни заполняются теоретическими структурами когнитивной эволюции, принимаемыми в качестве безусловного знания и выступающими в виде абсолютных истин, под флагом последних достижений науки (Лоренц, Фоллмер и др.) Именно в рамках этих идей современный человек воспринимает действительность. Они входят в сетку современных категорий, которая определяет весь строй современного общественного сознания. Мы пытались выявить необоснованность их претензий на естественнонаучную достоверность, их логическую и методологическую противоречивость и, наконец, принадлежность их к иному типу знания, чем знание естественнонаучное.

Ведь задача философа делать тайное явным. Срывать иллюзии с онтологических схем, выстроенных разумом, путем проникновения в их механизмы.

Примечания

- ¹ См.: Стёпин В.С. Теоретическое знание. М., 2000.
- ² Колчинский Э. И. Э Майр и современный эволюционный синтез. М., 2006. С. 122.
- ³ Баженов Л.Б. Редукционизм в научном познании // Природа. 1987. № 9. С. 85–91.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Аришинов В.И. Самоорганизующаяся вселенная Э.Янча и глобальный эволюционизм // О современном статусе идеи глобального эволюционизма. Сб. ст. М., 1986. С. 94.
- ⁶ Юлина Н.С. Проблема сознания и реальности в физикалистском материализме и биологистской концепции К.Поппера. М., 1983. С. 102.
- ⁷ Юнг К. Воспоминания, сновидения, размышления. Киев, 1994.
- ⁸ Кант И. Соч. Т. 3. С. 552.
- ⁹ Соловьев Э.Ю. О развитии философии как рациональности особого типа // Проблема человека в современной философии. М., 1969.